

Вормс Рене

Общественный организм: Пер. с фр. / Под ред. и с предисл. А. С. Трачевского. Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 272 с. (Из наследия мировой социологии.)

Вниманию читателей предлагается книга французского социолога Рене Вормса (1869–1926), посвященная исследованию общества как организма. Автор проводит сравнение между организмом и обществом, выявляя как общее между ними, так и различное. Рассматривается анатомия и физиология обществ: исследуются составные части и форма общественного тела, общественная клетка и различные сочетания этих клеток, органы и ткани в обществе, освещаются функции питания и воспроизведения общественного организма. Описывается происхождение и развитие обществ, предложена их классификация. Заключает книгу рассмотрение общественных болезней и общественных «лекарств», а также гигиены общества — автор предлагает путь, которому должно следовать общество, чтобы продлить и улучшить свое существование.

Книга рекомендуется социологам, историкам, философам, а также всем интересующимся общественными теориями.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».

117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

Формат 60×90/16. Печ. л. 17. Зак. № ЖО-08.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–397–02505–8

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
оформление, 2011

11121 ID 157699

Р. Вормсъ.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ОРГАНИЗМЪ

(Organisme et Société).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

Профессора А. С. Трачевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Ф. Павленкова.
1897.

Предисловіе къ русскому изданію.

Въ предисловіи къ только-что вышедшему переводу „Соціологіи“ Летурино (въ изданіи Ф. Павленкова), мы старались опредѣлить отношенія этнографіи къ обществовѣдѣнію, — вопросъ, которому посвящена самая книга французскаго изслѣдователя. Теперь попытаемся обрисовать, въ краткихъ словахъ, общее положеніе новой науки: на это вызываетъ насъ самое содержаніе работы другого французскаго ученаго, которая предлагается здѣсь вниманію читателя.

Какъ говорятъ всѣ, въ томъ числѣ и оба помянутые писателя, соціологія — наука новая, совсѣмъ юная. Да, совсѣмъ ребенокъ, если взять въ расчетъ, съ одной стороны, ея метрику, съ другой — хотя бы возрастъ „великаго старца“ Англіи ¹⁾. Самая возможность имѣть эту метрику показываетъ необычайную юность такого великаго и вѣковѣчнаго явленія, какъ цѣлая новая отрасль вѣдѣнія: мы не знаемъ науки, рожденіе которой можно бы праздновать годовщиной; дифференцированіе каждой системы знаній, ея выдѣленіе изъ хаоса всевозможныхъ понятій покрыто мракомъ, окутывающимъ появленіе на свѣтъ всякаго живого существа.

Конечно, это счастливое обстоятельство не увольняетъ насъ отъ мудраго правила — считать возрастъ всякаго организма не по годамъ, а по ребрамъ. Но у нашего ребенка врядъ-ли есть и ребра. По крайней мѣрѣ рожденные скептики задаютъ соціологамъ коварные вопросы: „Что такое прогрессъ, который вы такъ картинно и такъ противорѣчиво изображаете то въ формѣ круга, то въ видѣ спирали и даже улитки? Что значатъ ваши законы, которые вы иногда рѣшаетесь даже представлять математическими формулами? А это таинственное „безсознательное“ и та туманная „личность“, которую вы то превозносите, то совсѣмъ устраняете? А этотъ альтруизмъ, чудодѣйственно порождаемый эгоизмомъ? Еще лучше: что такое *соціологическій фактъ*? Есть-ли это нераздѣльный плодъ общественныхъ силъ, или его можно разложить на труды отдѣльныхъ лицъ? Конкретное ли это, цѣльное явленіе, или лишь моментъ движенія силъ? Наконецъ, что такое само общество?“ Не мудрено, что теперь, когда два факультета (юридическій и словесный) спорятъ изъ-за соціологіи, а на нихъ косится естествовѣдѣніе, встрѣчаются даже такіе почтенные академики, какъ Ле-

¹⁾ Курсъ Конта, гдѣ появилось имя соціологіи, вышелъ въ 1830 г.; Гладстонъ родился въ 1809-мъ.

вассеръ, который открыто заявляетъ: „есть социальныя науки, но нѣтъ социальной науки; социологія—одно лишь слово“.

Смѣемъ думать, насъ не заподозрятъ въ отрицательномъ отношеніи къ новой наукѣ. За это, надѣмся, ручается вся наша ученая и общественная дѣятельность. Но мы всегда предостерегали, и не перестанемъ дѣлать это, отъ увлеченій, которыя возлагаютъ на нашу науку бремя не по ея, еще хрупкимъ, плечамъ: никто столько не вредитъ новому оружію, какъ тотъ, кто, въ излишнемъ усердіи, стрѣляетъ изъ него черезъ цѣль. Имѣя въ виду эти, на нашъ взглядъ, положительно необходимыя ограниченія, читатель соблаговолитъ увидѣть, что если мы начинаемъ за упокой, то кончимъ за здравіе.

Не станемъ упоминать о самомъ предметѣ юной науки. Съ этой стороны, всѣ отрасли знанія древни, какъ самъ демонъ, принявшій съ самаго начала обликъ мудраго змія. Да и эта мысль немногимъ моложе; но она поддерживается теперь однимъ правиломъ социологіи же, которое стремится подняться до степени закона: если, по крайней мѣрѣ во многомъ, усматриваютъ стремленіе человѣчества къ возврату на стезю первобытности, только въ совершенно новомъ видѣ, то естественно искать безформенныхъ зародышей всесторонняго мышленія въ томъ хаосѣ начальныхъ впечатлѣній, изъ котораго дифференцировался постепенно весь строй нашего знанія, картинно названный Лацарусомъ „наслоеніемъ представленій (Vorstellungenverdichtungen)“. Конечно, человѣкъ думалъ объ обществѣ съ тѣхъ поръ, какъ началъ жить обществами, т. е. до вавилонскаго столпотворенія. Быть можетъ, Лейярды, Смиты, Ленорманы и Масперо, открывшіе цѣлыя неподозрѣваемые міры для социологическихъ наблюденій, прочтутъ, среди іероглифовъ и клиньевъ на кирпичачъ, и имена чуть не допотопныхъ социологовъ. Во всякомъ случаѣ, никто не откажетъ въ этомъ почетномъ имени такимъ дѣдамъ нашей науки, какъ Аристотель, Макиавель и Монтескье.

Но то были лишь подготовители социологіи, хотя и въ высшей степени плодотворные: умѣя глубоко и остро *наблюдать*, они указали на самый предметъ новой отрасли знанія, предвозвѣстили ея истинный методъ. Эти геніи не могли и думать о дѣйствительномъ объемѣ науки, настоящее содержаніе которой хранилось еще подъ завѣсой. Они брали лишь внѣшнюю, наглядную сторону дѣла, политической и отчасти социальной строй, эту анатомію обществъ: понятіе о „культурѣ“ возникло гораздо позже, лишь съ Вольтера, если не считать намековъ у Поливія, да богатаго, но мимоходнаго замѣчанія Фр. Бэкона, которое прошло безслѣдно. А затѣмъ почти цѣлое столѣтіе исторія новой науки представляетъ бѣлый листъ. И это въ то время, когда совершались великія открытія въ безконечной дали небесныхъ прострѣйствъ, въ міровыхъ безднахъ физическихъ и химическихъ силъ! Уже стало ходячею истиной, что ближайшее къ намъ всего медленнѣе поддается изученію: обращеніе земли вокругъ солнца, о которомъ размышляли уже древніе, открыто около 1530 г., а наше собственное кровообращеніе было замѣчено ровно сто лѣтъ спустя. А когда, еще вѣкомъ позже, стали, вслѣдъ за Монтескье, задумываться надъ общественными вопросами, пришлось отдать дань времени: повинуюсь могуществу помнутыхъ наукъ, въ особенности астрономіи и химіи, а также господству индивидуализма въ политической экономіи и разрушенію изветшавшихъ общественныхъ формъ, сюда внесли односторонній, узкій взглядъ, который можно назвать механическимъ и атомистическимъ.

Заслуга Ог. Конта, какъ отца социологіи, признана всѣми, не исключая его ярыхъ противниковъ. Но, какъ выразился американскій социологъ Смоль, это — „герольдъ, а не оракуль“ новой науки. Контъ далъ ей имя, указалъ методъ, довольно широко обозначилъ ея предметъ, — словомъ, предъявилъ міру новаго ребенка; но онъ не могъ поставить его на ноги, а тѣмъ менѣе — научить ходить. Увлеченія учениковъ, по обыкновению развивавшихъ скорѣе ошибки учителя, чѣмъ его теорію, только подрывали довѣріе къ дѣлу новому и оттого всегда подозрительному для толпы рутинеровъ. И теперь не рѣдкость встрѣтить умниковъ, глумящихся надъ наукой, которая носитъ уродливое названіе и никакъ не можетъ опредѣлить даже своего предмета и метода. Словно это — новость! Словно названіе „минералогія“ лучше „социологіи“. Словно сами естественники не смущаются при опредѣленіи вида, царства животнаго и растительнаго, даже органическаго и неорганическаго міра, самой жизни и смерти. А какія бури переживаютъ на нашихъ глазахъ біологія и астрономія, съ ихъ Вейсманами и Фаями!

Дѣло не въ этихъ общихъ признакахъ, свойственныхъ всякому произведенію человѣческаго ума и нисколько не умаляющихъ его значенія. Бѣда въ томъ, что въ положительномъ знаніи, которое идетъ по проторенной колеѣ, за вѣрнымъ поводомъ — научнымъ методомъ, тревоженія ведутъ лишь къ устраненію случайныхъ ошибокъ, а каждая новая работа служитъ къ надстройкѣ этажей величаваго зданія; социологія же, втеченіе уже двухъ поколѣній, не могла занять такой достойной позиціи. Но у кого поднимется рука, чтобы карать за это гениальнаго и, главное, всѣмъ необходимаго ребенка?

Вокругъ колыбели новаго Геркулеса кипѣли водовороты, и въ нее заползали ядовитыя змѣи. Чего стоили такія тревоженія, какъ 1830, 1848 и 1871 года, и именно для него, потому что они полны общественнаго смысла: вѣдь, это — возвѣстители новыхъ гостей на жизненномъ пиру, этихъ, такъ-называемыхъ, „чиновъ“ — третьяго, четвертаго, даже какого-то пятаго, не считая большей части человѣчества вообще — женщинъ и дѣтей! А послѣдовавшія затѣмъ такія прелести, какъ „вооруженный миръ“, промышленныя „кризисы“, финансовыя „крахи“, колониальныя „столкновенія“, такіе пережитки троглодитства, какъ челоѣконенавистничество, съ націонализмомъ и антисемитизмомъ во главѣ, и — „безработные, безработные“ безъ конца! Рядомъ — все растущія, кричація вождедѣнія челоѣчности, любви къ ближнему, къ мирному развитію, — эти чистые голоса свѣтлаго будущаго, которые исходятъ со всѣхъ концовъ, изо всѣхъ устъ, и носятъ надъ грѣшною землей благовѣстомъ спасенія. Все это взываетъ къ немедленному рѣшенію: страданія велики, чувствуются они нервною душой челоѣка „конца вѣка“ сильнѣе прежняго; а жизнь, съ ея телеграфами и желѣзными путями, несется порывисто, повинуюсь міровому закону умноженія дѣйствія при сложности причинъ.

И вся эта оглушительная, сверкающая, хаотическая смѣсь массы противныхъ интересовъ — законный предметъ вѣдомства социологіи. Сами враги, которые частью глумятся надъ нею, частью боятся ея, какъ новаго и самаго важнаго стража истины и справедливости, упрекаютъ ее: отчего она не даетъ всеразрѣшающихъ совѣтовъ мудрости, всеисцѣляющихъ лекарствъ?... А откуда она возьметъ ихъ? Будьте благодарны за то, что ребенокъ полонъ любви къ людямъ, горитъ вѣрой въ знаніе, осѣняется надеждой на побѣду

надъ мракобѣсіемъ рутинеровъ, надъ страстями и пережитками троглодитства, надъ всемірнымъ страданіемъ!

Соціологъ бросается за помощьюъ къ старшимъ братьямъ: вѣдь, ребенокъ поднимается на плечахъ взрослыхъ, чтобы видѣть дальше. Обществовѣдѣніе—вѣнецъ и плодъ другихъ наукъ, можно сказать, всѣхъ наукъ: его предметъ, какъ самый сложный, соприкасается со всѣми остальными, простѣйшими предметами. Конечно, ближе всего къ нему и дороже всего—знанія, обнимающія самого человѣка, какъ существо общественное, нравственное. Но тутъ-то оказалось наименѣе пользы, вслѣдствіе несовершенства этого круга знаній. Соціологія была бы лишена всякаго будущаго, если бы, послѣ безплодныхъ витаній въ области теологіи и метафизики, не сошла на землю и сразу не пустила въ ней корней. Здѣсь же царствовало тогда обаяніе Возрожденія XIX вѣка, этого плода положительнаго знанія и примыкавшаго къ нему историческаго метода Нибура и Савиньи. „Курсъ“ Конта, это евангеліе позитивизма, пылившійся на полкахъ книгопродавцевъ лѣтъ 30, пошелъ въ ходъ; а вслѣдъ затѣмъ возникъ и дарвинизмъ. Эволюціонная теорія быстро проникала во всѣ области знанія, не исключая богословія. Торжествующая наука о природѣ естественно вторглась и въ соціологію: и тогда она была въ правѣ говорить словами Молешота, одного изъ своихъ корифеевъ, воспитывавшихъ общество, что „натуралисты—самые дѣятельные изслѣдователи общественнаго вопроса“ и что „его рѣшеніе—въ ихъ рукахъ“.

И явился именитый основатель соціологіи, уже не какъ программы, а какъ цѣльной науки, съ своимъ методомъ и планомъ, съ своими выводами. *Соціальная Статика* Спенсера вышла въ 1850 году, *Основы Соціологіи* начали издаваться съ 1876 года.

Спенсеръ, дѣйствительно, какъ дѣльный хозяинъ, устроилъ домъ, гдѣ можно жить. Онъ ввелъ въ соціологію методъ естествовѣдѣнія; самъ опытный натуралистъ, онъ основательно подводилъ подъ зданіе новой науки біологическія основы и облегчилъ дѣло своимъ преемникамъ богатымъ подборомъ фактовъ (описательная соціологія) и многими блестящими обобщеніями; а главное, онъ строго провелъ и здѣсь тотъ знаменитый эволюціонизмъ, которому самъ столько послужилъ въ одно время съ Дарвиномъ и безъ котораго теперь немислимо движеніе ни въ какой отрасли знанія. Отсюда обширность и прочность вліянія знаменитаго автора „Системы синтетической философіи“.

Но юная наука, жаждавшая жизни, не могла окоченѣть на Спенсерѣ, который представляетъ только одну сторону дѣла и не свободенъ, въ свою очередь, отъ дани времени, какъ видно изъ его склонности къ индивидуализму или специфическому „либерализму“ той поры. Въ настоящее время лучшіе соціологи признаютъ, что его пристрастіе къ біологіи страдаетъ исключительностью: его соціологія, говорятъ, чуть не кончается тамъ, гдѣ должно бы начинаться настоящее обществовѣдѣніе.

Къ тому же со Спенсеромъ случилось то же, что случается обыкновенно съ вождями мысли. Его слѣпые послѣдователи понаписали груды плохихъ книгъ, пользуясь лишь внѣшнимъ механизмомъ его метода и обладая бѣльшимъ запасомъ амбіціи, чѣмъ аммуниціи. При этомъ возрождалась манера блаженной памяти метафизиковъ—взять одинъ какой-нибудь винтикъ въ цѣлой машинѣ мірозданія или измыслить его, или даже сочинить новое сло-

вечко для давно известной вещи — и подгонять сюда все бывшее, сущее и будущее: зато, молю, „моя“ собственная „система!“ Наконецъ, сюда устремлялось умственное декадентство „конца вѣка“: не понявъ новаго смысла нѣкоторыхъ старыхъ терминовъ, оно радостно вопіяло о воскресеніи „субъективизма, личности“ и справляло шабашъ новаго романтизма, упиваясь на немъ до мистицизма.

Въ то же время за социологию хватались непризванными руками люди всевозможныхъ, часто отдаленныхъ, специальностей, которые не могли принести пользы своими сомнительными познаніями, а вносили смуту въ пониманіе и безъ того неустановленнаго дѣла: одинъ инженеръ сводилъ всю эволюцію обществъ къ дорогамъ да мостамъ! А тѣ, которые должны были служить ближайшими пособниками, въ особенности историки, или съ презрѣніемъ относились къ смѣлому новшеству, или не могли видѣть лѣса изъ-за дровъ, копаясь въ массѣ одолѣвавшаго ихъ сырого матеріала. Положеніе юной науки, въ которой колебалось отъ произвола пришельцевъ все, начиная съ метода, кончая самыми рамками, становилось тяжело. Враги потирали руки: радовались даже просто лѣнливые умы, твердящіе — „по старому-то лучше!“ Мы уже не говоримъ о тѣхъ специфическихъ противникахъ, которые, съ прискорбіемъ и не безъ основанія, видятъ въ новой наукѣ какъ заклятіе кровавыхъ переворотовъ, выгодныхъ для умѣющихъ удить въ мутной водѣ, такъ и орудіе самыхъ законныхъ реформъ, самыхъ благодѣтельныхъ Возрожденій...

Но юной наукѣ до того хочется пожить, что она начинаетъ даже задавать вопросъ — да существуетъ ли смерть, по крайней мѣрѣ для обществъ? ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, она-то сама рѣшительно мечтаетъ не о кончинѣ, а о новомъ рожденіи. Руководясь ея же наставленіями и опытомъ, наблюдательные умы начинаютъ сознать, что не одна эта теорія жизни, но и самая жизнь цивилизованнаго человѣчества снова принимаетъ свѣжій видъ, въ отпоръ легкой реакціи 70-хъ и особенно 80-хъ годовъ. Возможно, что *девяностые* годы нашего вѣка послужатъ если не началомъ, то преддверіемъ того новаго Возрожденія, которымъ будетъ ознаменовано начало XX столѣтія. Многие говорятъ за это. Геркулесовы столбы декадентства, въ которые уперлись люди мистико-метафизическихъ попопозновеній, заставляютъ мысль отшатнуться назадъ; и этому отрезвленію способствуютъ новые, изумительные успѣхи положительнаго знанія. Политика столь же неимоვნно измѣняется и по содержанію, и по приѣмамъ, и по внѣшнему виду: проклятіемъ становятся такія явленія, какъ война и макиавелистическая дипломатія, которыя вчера еще считались прирожденными силами исторіи и даже нравственными основами — въ смыслѣ кары небесной. А главное, ученые уже условились называть 1890 годъ „эрой господства *соціально-экономическаго* интереса“.

Последнее обстоятельство всего важнѣе для насъ. Новая наука связана съ нимъ непосредственно: это должно признать, какихъ бы мы ни были мнѣній о сущности историческаго развитія. Въ этомъ смыслѣ, тотъ вихрь общественныхъ переворотовъ, который мы раньше записали въ расходъ, нужно поставить на приходъ новой наукѣ. И тутъ, конечно, крупную статью составить то всеобъемлющее жизненное движеніе, свя-

¹⁾ См. стр. 217—218 настоящей книги.

занное съ такъ называемымъ „четвертымъ сословіемъ“, которое естественно отражается и на теоріи: если теперь во всякихъ обсужденіяхъ изъ области политико-общественныхъ вопросовъ не обойти жгучаго спора между индивидуалистами и социалпстами, то для социолога участіе въ немъ обязательно. Мы и видимъ это на каждомъ шагѣ: читатель обратитъ вниманіе на любопытныя мысли, высказанныя въ предлагаемой книгѣ по поводу марксизма. Къ этой же сторонѣ дѣла слѣдуетъ отнести быстро распускающійся цвѣтъ цивилизаціи „конца вѣка“ — филантропію или человѣчность въ самомъ широкомъ смыслѣ, эту непобѣдимую силу альтруизма, о самомъ существованіи которой вчера еще позволяли себѣ спорить теоретики. Все глубже захватывая жизнь, сцѣпляя ее въ небывало-крѣпкое единство, она энергично выдвигаетъ социологію, становится ея надежною опорой. Въ Америкѣ только-что возникло новое симпатичное опредѣленіе нашей юной науки, напоминающее то море плодотворныхъ слезъ, ту великую силу состраданія, въ которыхъ сокрыта тайна безсмертія Данта, Шекспира и Гоголя. Это — „философія человѣческаго счастья“¹⁾.

Необычайно быстрая и глубокая эволюція жизни немедленно отразилась на эволюціи теоріи. И здѣсь нашу юную науку можно рѣшительно поздравить съ праздникомъ. Теперь-то, наконецъ, двинулись по настоящему пути тѣ изъ наукъ, которыя должно считать ея сестрами и дѣтство которыхъ наиболѣе вредило ей. Пока гуманитарныя знанія, и въ особенности исторія, этотъ истинный родникъ обществовѣдѣнія, находились въ пеленкахъ, социологія постоянно стояла у края пропасти: ей ежеминутно предстояла опасность свалиться, поскользнувшись на извилистыхъ и тернистыхъ тропинкахъ, впасть въ знакомую бездну если не мистики, то метафизики всякаго сорта. Но теперь предаваться такимъ страхамъ было бы малодушіемъ или невѣжествомъ. Нравственныя науки уже стали на свои ноги: принявъ видъ положительнаго знанія, опираясь на истинно-научный, историко-сравнительный, методъ, воспринявъ плодотворный эволюціонизмъ, онѣ съ каждымъ днемъ, можно сказать, заваливаютъ социолога доброкачественнымъ и самымъ надлежащимъ матеріаломъ, а въ ближайшемъ будущемъ готовятъ ему такое богатое наслѣдіе, о которомъ трудно и помышлять. Укажемъ только на тѣ умственныя Америки, которыя вдругъ стали открываться передъ нашимъ очарованнымъ взоромъ, благодаря этнографіи, народной психологіи, языковѣдѣнію, сравнительному правовѣдѣнію, вообще, „фольклоризму“ или изученію народнаго творчества. Считаемъ лишнимъ говорить о всѣмъ извѣстномъ — о той главной жатвѣ, которую доставляютъ социологіи ея ближайшія сестры, сами совсѣмъ помолодѣвшія науки историческая и экономическая: онѣ становятся, какъ давно подобало, ея душой, съ тѣхъ поръ какъ первая стала выдвигать культуру, а вторая отрѣшилась отъ душившихъ ее узъ правовѣрія „классической“ школы, индивидуализма.

Менѣе прямо, но не менѣе важно вліяніе, идущее со стороны науки о природѣ. Послѣ указанныхъ попытокъ реакціи, когда частью проповѣдовалось схоластически-нетерпимое господство „духа“, частью выискивался „материализмъ“ тамъ, гдѣ о немъ не могло быть и рѣчи, естествознаніе, которое, послѣ Дарвина, уже не сворачивало съ научнаго пути,

¹⁾ *Small and Vincent: An introduction to the study of Sociology. New-York 1894, p. 82: «Sociology is the philosophy of human welfare».*

снова получило, въ глазахъ общества, прежній кредитъ. Мы думаемъ, что теперь оно даже выиграло противъ прежняго. Оно заслужило новую дань всеобщаго уваженія. Естествознаніе отказалось отъ крайнихъ увлеченій слишкомъ ревностныхъ учениковъ великаго англичанина, создававшихъ иногда собственную метафизику съ другого конца и готовыхъ, въ качествѣ непризванныхъ соціологовъ, погубить весь родъ человѣческой ради выдержки ложно-понятаго ученія. Оно покрылось небывалою славою величайшихъ открытій, ведущихъ и къ установленію самой положительной философіи необычайной глубины, и, главное, къ возвышенію счастья человѣчества. Въ особенности біологія снова захватываетъ всеобщее вниманіе. И опять она съ жаромъ берется за соціологическія задачи. Укажемъ только на поучительный споръ между еще не угасшимъ соратникомъ Молешотта, Бюхнеромъ, и новою звѣздой біологіи, Вейсманомъ. Біологія, какъ увидимъ ниже, становится ближайшею родней соціологіи среди наукъ о природѣ: недавно послѣднюю одинъ французскій ученый называлъ „дочерью біологіи“.

Припомнимъ тѣ слова, въ которыхъ мы, въ другомъ мѣстѣ (въ „Научномъ Обзорѣніи“) выразили мысль, впрочемъ не нашу, а общеизвѣстную. „Повторимъ истину, которая не стала менѣе плодотворною оттого, что не въ первый разъ высказывается. Вторженіе біологовъ въ область соціологіи благодѣтельно. Общественныя задачи самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ матеріальною культурой; а совершенствованіе этой культуры немислимо безъ знанія природы и ея законовъ. Это особенно нужно имѣть въ виду теперь, когда земельный вопросъ выступилъ на первый планъ и въ жизни, и у соціальныхъ преобразователей. Но и культура идеальная, это вѣдомство нравственныхъ наукъ, не можетъ быть постигнута научно безъ участія естествознанія. Извѣстна великая роль въ ней „пержитковъ“ (survivals); а они чѣмъ древнѣе, тѣмъ матеріальнѣе. Уже признано, что въ изученіи идеальной культуры нужно идти, прежде всего, путемъ психологіи; а эта наука стала теперь *физиологическою*. Сверхъ того, неизмѣрима ожидающая соціологовъ польза отъ знакомства съ методами, благодаря которымъ естествознаніе такъ обогнало, въ послѣднее время, нравственныя науки. Намъ отрадно кончить словами такого авторитетнаго обществовѣда, какъ Гильдебрандтъ, который употребилъ ихъ въ своей ректорской рѣчи, въ грацкомъ университетѣ, не далѣе, какъ въ концѣ 1893 года. Въ этой глубокомысленной рѣчи „О задачахъ всеобщей исторіи развитія права и нравовъ“ сказано, между прочимъ: „Нужно воздерживаться отъ всякаго доктринерства, отъ всякаго *идеопоклонства*; нужно смотрѣть на вещи просто и естественно, видѣть ихъ, какъ онѣ есть на дѣлѣ. Тутъ умѣстна одна только самая безусловная, самая независимая и холодная фактичность. Прежде философія была связующимъ звеномъ между разными науками: теперь, когда мы стали относиться ко всему болѣе скептически и критически, когда мы стали болѣе зрѣлыми и требовательными во всемъ, что касается познанія, такимъ звеномъ можетъ служить только естествознаніе. Я разумѣю не его выводы, а его духъ, т. е. его способъ ставить вопросы, его научныя приемы“.

Прибавимъ, что уходъ за этимъ научнымъ духомъ имѣетъ теперь особое значеніе, — культурное, воспитательное: человѣчеству было бы вовсе не къ лицу перейти въ новый вѣкъ съ заплесневѣлыми чертами схоластики

и романтизма. Для социологии же значение этого духа очевидно. Подъ его влияниемъ, она именно только теперь принимаетъ обликъ науки. Про нее должно сказать то же, что говорятъ ученые про социально-экономическій интересъ: послѣднее десятилѣтіе — эпоха ея господства и процвѣтанія. Можно сказать, теперь только она предстаетъ міру съ ясными чертами, выходя изъ узкой колыбели, покидая стѣснительныя пеленки. За недостаткомъ мѣста, укажемъ бѣгло, по крайней мѣрѣ, на тѣ признаки возмужалости, которые должны заставить умолкнуть скептиковъ, подсмѣивавшихся надъ будущностью новой науки.

Въ девяностыхъ годахъ социология, переставшая быть межеумкомъ по собственному строенію, перестала быть и безпріютнымъ скитальцемъ. Всюду заводятся ея курсы, частью при университетахъ, частью публичные во всевозможныхъ мѣстахъ и для самыхъ разнообразныхъ аудиторій. Мѣстами профессора сопредѣльныхъ наукъ обращаютъ свои кафедры въ ея пропаганду, а иногда общества и даже правительства заводятъ для нея особыя кафедры; даже возникаютъ попытки устроить цѣлыя социологическія факультеты, подъ разными наименованіями. Таковы: *Ecole des sciences sociales* при вольномъ университетѣ въ Брюсселѣ (съ 1890 г.), гдѣ читаетъ Греефъ; факультетъ социальныхъ наукъ въ Женевѣ, „департаментъ социологии“ въ Чикаго (съ 1892 г.). Правильные курсы социологии читаются уже при многихъ университетахъ Европы и особенно Америки, гдѣ недавно выработался и цѣлый рядъ учебниковъ для студентовъ, а также социологическихъ журналовъ.

Весьма важно, что въ исторіи социологии наше десятилѣтіе отмѣчено выступленіемъ впередъ такихъ странъ, какъ Америка и Франція, столь богатыхъ опытомъ, энергіей талантовъ, даромъ популяризаціи и практичности. Благодаря такимъ горячимъ поборникамъ новаго дѣла, какъ авторъ предлагаемой книги, во Франціи оно принимаетъ почти нервный характеръ. Съ 1893 г. Вормсъ устроилъ въ Парижѣ *Institut de Sociologie*, который уже организовалъ три международныхъ съѣзда и выпускаетъ ихъ труды; самъ Вормсъ издаетъ 4-й годъ *Revue de Sociologie*. Онъ уже затѣваетъ устроить „социологическую лабораторію“ и неутомимо проповѣдуетъ мысль о превращеніи *Collège de France* въ такой же социологическій факультетъ, какъ департаментъ въ Чикаго. Вормсъ читаетъ и публичные курсы по социологии, плодомъ которыхъ служить „*L'Organisme et la Société*“. Постоянные курсы открылись, за эти же годы, въ Бордо, гдѣ читаетъ видный социологъ Дюркгеймъ, въ Монпелье, Тулузѣ и Ліонѣ. Замѣтимъ кстати, что и у насъ, въ Гельсингфорсѣ, читаются курсы социологии выдающимся ученымъ, Вестермаркомъ, новое произведеніе котораго о происхожденіи брака удостоилось перевода на главные языки Европы.

Въ то же время кипѣло книжное производство. Множество именитыхъ, а больше молодыхъ, пробивающихся впередъ социологовъ всѣхъ странъ, отъ Россіи до Америки, спѣшили показаться на свѣтъ съ своими работами, нерѣдко предвосхищая другъ у друга право первенства: уже не легко становится указывать, кому именно принадлежитъ созданіе той или другой свѣтлой мысли, даже того или другого термина ¹⁾. Имена

¹⁾ Въ столь юной наукѣ, какъ социология, термины рождаются быстро, по необходимости. Конечно, часто они неясны или уродливы. Отсюда особенныя трудности, съ которыми приходится бороться переводчику. Просимъ читателя обратить вниманіе на это.

Греефа, Тарда, Дюркгейма, Фулье, Гумпловича, Кидда, Новикова, Смола, Уорда, Мекензи и другихъ социологовъ принадлежать нашему десятилѣтню; а за ними уже выдѣляются и многообѣщающія еще болѣе юныя силы. ¹⁾ А что вскорѣ дадутъ намъ цѣлыя „школы“ молодежи, уже ревностно работающей всюду при факультетахъ и кафедрахъ социологіи, число которыхъ будетъ расти съ каждымъ днемъ!

Правда, и раньше писалось не мало книгъ по этой части, но мы видѣли ихъ цѣну. Не то теперь. Наше десятилѣтіе отличается тутъ болѣе яркими признаками научной дѣльности. Въмѣсто манеры метафизиковъ сплеча рѣшаютъ всѣ загадки бытія однимъ краснымъ словечкомъ, замѣчается стремленіе къ добросовѣстной разработкѣ частныхъ вопросовъ, къ критикѣ матеріала, причемъ иногда поражаетъ другая крайность—излишняя скромность. Теперь социологу приходится уже менѣ завидовать своему собрату, естественнику, который обставленъ хорошими монографіями даже о рѣдкихъ мелочахъ и мало дифференцированныхъ явленіяхъ, тогда какъ онъ становится втуцникъ даже при такихъ основныхъ вопросахъ своей науки, какъ государство и общество, родъ, порода и семья. Въ той же Франціи носятъ теперь, словно съ открытіемъ Америки, съ монографическимъ и статистическимъ методомъ Ле-Плэ.

Рядомъ съ этою конкретной или описательной социологіей, развивается отвлеченная, теоретическая сторона дѣла. Но это—уже приобрѣтеніе положительной философіи; и оно успѣло привести къ двумъ плодотворнымъ направленіямъ, какъ объяснимъ ниже. Здѣсь-то мы видимъ, что социологія уже стоитъ, съ отчетливымъ обликомъ, на отмежеванной себѣ территоріи. Если она еще не можетъ давать отвѣтовъ на многіе изъ запросовъ, которыми ее справедливо закидываютъ, зато она твердо указываетъ на свой научный методъ, который ведетъ къ истинѣ: она, кажется, уже рѣшила и основной, чуть не роковой для нея, вопросъ объ опытѣ въ обществовѣдѣніи ²⁾. Она щеголяетъ уже довольно точными, хотя и не всегда удачными терминами,—знакъ, что наука завела собственное домохозяйство. Укажемъ лишь на одинъ изъ нихъ, касающійся именно ея больного мѣста, въ которое любили прежде тыкать перстами разные рутинеры, прикрывающіе свою умственную наготу фиговымъ листомъ схоластической „морали“. „Да, смѣло говорить юная наука: я неморальна (amoral), но не безнравственна (immoral). У меня своя мораль, повыше вашего бездушнаго индивидуализма и прихотей, освящаемыхъ именемъ свободы воли. У меня есть детерминизмъ, какъ во всякой наукѣ, но свой собственный, одинаково далекій какъ отъ фатализма, такъ и отъ капризовъ эгоизма. Да и вообще, я пользуюсь всѣми науками, на плечахъ которыхъ поднялась; но изъ ихъ наслѣдія, въ соединеніи съ моимъ особымъ опытомъ, я создаю собственные объясненія для чисто-общественныхъ явленій. Отчасти я даже чувствую подъ собой болѣе твердую почву, хотя мой предметъ менѣ конкретенъ, чѣмъ внѣшняя природа. Все дѣло въ родахъ явленія. А тутъ естественникъ мучится надъ неразрѣшимую тайной: опустится онъ, въ

¹⁾ Наша задача—обрисовать движеніе социологіи только на Западѣ. Касательно Россіи оно обстоятельно изложено въ трудахъ нашего социолога, С. Н. Южакова—«Соціологическіе этюды» и статьи въ «Русскомъ Богатствѣ» за ноябрь и декабрь 1895 г.

²⁾ Обращаемъ вниманіе читателя на любопытныя соображенія, въ этомъ смыслѣ, на стран. 210 предлагаемой книги.

поискахъ за началомъ жизни, въ бездну океана, въ пучину микробіоза, а микробіозъ самъ оказывается бездонною пропастью; и наконецъ мертвое, сливаясь съ живымъ, преграждаетъ путь его любознательности. А у меня есть исходный предѣлъ: мое начало—первыя сообщества, т. е. сразу симбіозъ, эта основа безконечнаго начала альтруизма. И вотъ, передо мной развертывается великая, захватывающая духъ картина коопераціи разумныхъ существъ, въ широкомъ смыслѣ слова, этого родника человѣчности, любви, котораго не знаетъ низшій міръ ужасной борьбы за существованіе“. Такова присущая новой наукѣ глубина состраданія, этотъ благородный плодъ широты взгляда, вытекающей изъ необычайной сложности наблюдаемыхъ ею явленій. Отсюда-то уже вырисовываются очертанія и соціологическаго „искусства“ или новой, истинной политики, т. е. та прикладная сторона соціологіи, которая сопутствуетъ развитію каждой науки, такъ какъ наука создана на счастье человѣка.

Но главнымъ признакомъ возмужалости соціологіи служитъ появленіе въ ней болѣе или менѣе отчетливыхъ направленій. Какъ жизнь немыслима безъ разныхъ взглядовъ, кружковъ, сторонъ или партій, въ особенности въ средѣ общественной, такъ и теорія невозможна безъ разныхъ теченій и отгѣнковъ: только люди далекіе отъ науки, не постигающіе ея серьезности, скорбятъ обыкновенно о недостаточности мѣръ для водворенія порядка въ *respublica litterarum*. Незрѣлость науки сказывается лишь въ сумятицѣ капризныхъ мнѣній, этого плода разнузданнаго субъективизма или того самомнѣнія, которое не стѣсняется никакими методами и фактами; но опредѣленные разумными основаніями научныя направленія — гордость знанія. Тутъ такая же разниа, какъ между предположеніями Гоголевскаго старосвѣтскаго помѣщика и научными гипотезами, которыя тоже кажутся пороками науки для людей, не привыкшихъ къ серьезному мышленію. Если зрѣніе не обманываетъ насъ въ томъ молодомъ, но уже густомъ лѣску, который мы стараемся разглядѣть здѣсь, передъ нами весьма любопытное явленіе разныхъ теченій въ юной наукѣ. Попытаемся указать на нихъ, попросивъ только извиненія у читателя, если намъ не вполне удастся соблюсти правило строгой точности, которое всегда считалось нами обязательнымъ въ научныхъ вопросахъ: таковъ ужъ предметъ, которому мы рѣшились посвятить, на этотъ разъ, нашу бесѣду.

Въ соціологіи девяностыхъ годовъ начинаютъ обнаруживаться два направленія, конечно еще не вполне сложившіяся, а главное — переплетающіяся между собой. Слѣдуя историческому методу, наименѣе ошибочному при опредѣленіи зародышей явленія, мы думаемъ, что каждое изъ нихъ служитъ естественною реакціей непосредственно предшествовавшему. Такъ какъ соціологія родилась подъ вліяніемъ естествознанія, и особенно біологіи, то сначала въ ней замѣчалось рабское слѣдованіе не только ихъ методу, но и ихъ выводамъ и планамъ. Отсюда нѣкоторая односторонность, неполнота и отчасти даже поверхностность у первыхъ соціологовъ. Съ развитіемъ дѣла, эти недостатки, конечно, почувствовались. А тутъ пришла реакція Возрожденію XIX вѣка въ общемъ міровоззрѣніи, что всегда отражается болѣе или менѣе не только на жизни людей, но и на всемъ строѣ наукъ. Законная потребность въ добавленіяхъ, въ устраненіи ошибокъ и въ расширеніи взгляда, вызванная внутреннимъ развитіемъ соціологіи, естественно тянула, для своего выясненія, въ другую сторону,

и иногда черезчуръ. А къ ней примазывались, какъ всегда, непризванные союзники, выходившіе совсѣмъ изъ другихъ сферъ и побужденій. Когда же здѣсь перехватили черезъ край, когда начали забывать или даже презирать и перетолковывать то, что было благодѣтельнаго и необходимаго въ предшествовавшемъ теченіи, и когда человечество снова начало поворачивать къ иному міровоззрѣнію, тогда возникла реакція бывшей реакціи. Чтобы не повредить всѣмъ дорогому дѣлу, чтобы не принять друга за врага и наоборотъ, необходимо, въ такихъ случаяхъ, разобраться и, прежде всего, назвать вещи ихъ собственными именами, не заботясь о самолюбіи, такъ какъ легко ошибиться въ столь спорномъ и трудно уловимомъ предметѣ.

Подвергаясь опасности впасть въ ошибку, которая впрочемъ въ такихъ случаяхъ бываетъ не лишена своей пользы, видоизмѣнимъ ходячія клички, которыя уже не соотвѣтствуютъ новымъ понятіямъ и только распаляютъ затихающія страсти: таковы „идеализмъ и реализмъ“ (онъ же—матеріализмъ, механической взглядъ), „субъективизмъ и объективизмъ“ (онъ же—позитивизмъ), „индивидуализмъ и социализмъ“. При этомъ мы отчасти прибѣгнемъ къ терминамъ, которые сослужили намъ лично не малую службу въ многолѣтнихъ историческихъ работахъ. Чтобы охватить почти необъятную область культуры, нужно разбивать ее на два основныхъ отдѣла, *матеріальный* и *идеальный*,—опредѣленія понятныя сами по себѣ. Считаемо излишнимъ объяснять, что эти термины далеки отъ понятій матеріализма и идеализма; и если ихъ нерѣдко смѣшиваютъ, то это только лишній разъ указываетъ на печальный удѣлъ человечества—самому себѣ портить жизнь недоразумѣніями. Это-то не мало вредило и еще вредитъ и въ нашемъ дѣлѣ.

Сначала въ социологіи, понятно, преобладалъ матеріальный элементъ: къ этому вело и стремленіе начинать съ болѣе простого, уловимаго, внѣшняго, и близость къ естествознанію, на плечахъ котораго подымалась новая наука. Рядомъ развивалась вѣра въ слѣпую, но несокрушимую силу „вещей“, „среды“, иначе—тѣхъ „законовъ“, той „эволюціи“ жизни или того „безсознательнаго“, которое неумолимо превращаетъ человѣка въ свою наковальню, пользуясь міровою энергіей, наслѣдственностью, пережитками и тою рутинной, что старается даже обратить сознательныя стремленія въ инстинктивныя. Въ настоящее время это направленіе, кажется намъ, приличнѣе всего назвать *матеріально-біологическимъ*.

Затѣмъ настала иная пора. Поднялось возмущенное чувство человѣка. Почувявъ, благодаря наукѣ, свое развитіе, свою власть надъ природой, онъ захотѣлъ самъ быть молотомъ: онъ даже возмечталъ о новой Вавилонской башнѣ и, въ своемъ горделивомъ протестѣ, дошелъ до безумнаго титанизма „сверхъ-человѣка“ Ницше. Дилетантизмъ неизбѣженъ въ началѣ всякаго новаго теченія мысли. Но отбросимъ тѣ суррогаты знанія, которые пытались возродиться подъ видомъ идеализма, въ смыслѣ супранатурализма, подъ маской свободы личности, какъ уголовно-біографическаго элемента, подъ формой субъективизма, какъ метафизическаго приема: пожалѣемъ только, что иногда вожди науки этой поры позволяли приурочивать къ себѣ эти ветхіе термины, хотя они сами понимали ихъ иначе. Останется фактъ вѣрный, прочный, необходимый въ эволюціи новой науки: это—выставленіе идеальнаго элемента, играющаго столь видную роль въ жизни обществъ, причемъ, любопытно, многіе шли по стопамъ Кюнта и Бокля, которые безсознательно склонялись къ своимъ противникамъ, метафизикамъ, признавая, что весь про-

грессъ—въ нашемъ умѣ, что міромъ управляютъ идеи и убѣжденія. А съ этимъ связанъ научный взглядъ на человѣка, какъ на силу, въ свою очередь, воздѣйствующую на среду, и на личность, какъ на историческій элементъ,—мысль, высказанная еще сподвижникомъ Дарвина, Уоллесомъ, который замѣтилъ, что въ социологіи естественный подборъ долженъ быть ограничиваемъ коопераціей и общественнымъ чувствомъ. Отсюда и пзмѣненіе самаго способа научныхъ изслѣдованій: развивалось предпочтеніе метода внутреннего, субъективнаго, въ новомъ, широкомъ смыслѣ этого слова, обнимавшемъ и нравственныя движенія массъ или „народную психологію“, которую начинаютъ называть еще „сверх-психологіей“ и даже „ультра-психологіей“. Это—направленіе *идеально-психологическое*.

Оно начинало-было преобладать. Возникала опасность, что будутъ забыты прежнія, необходимыя и не легко давшіяся, основы въ наукѣ; а въ жизни можно было страшиться подъема волны романтизма, со всѣми его тяжелыми послѣдствіями, устраненіе которыхъ навсегда останется гордою заслугой Возрожденія XIX вѣка. И вотъ, на нашихъ глазахъ, начинается неизбѣжный новый поворотъ, который, вѣроятно, временно опять перекинетъ хартію исторіи въ другую сторону. Здѣсь не мѣсто разбирать жизненный вопросъ. Въ наукѣ же, кажется, трудно опасаться особенныхъ, вредныхъ увлеченій, какъ было въ старину. Правда, мы видимъ и здѣсь борьбу двухъ направленій; вырисовываются даже вожди, арміи и роды оружія. Но, въ сущности, тутъ не война, а благородное соревнованіе: противники ведутъ одно и то же дѣло,—пробиваютъ, съ разныхъ сторонъ, твердыню невѣжества и предразсудковъ; и оружіе-то у нихъ одно; они оба стоятъ на научной почвѣ. Лишь бы только жизнь не внесла элемента страсти въ ихъ ряды. А она конечно стремится просочиться и сюда: человѣчество теперь слишкомъ объединено вездѣ и во всемъ. Укажемъ на любопытное совпаденіе, которое впрочемъ отчасти выяснитъ читателю предлагаемая книга: вездѣсущій экономическій интересъ сказывается здѣсь въ томъ, что идеальное направленіе болѣе склоняется къ индивидуализму, матеріальное—къ его противнику, хотя оно не слѣпо подчиняется марксизму.

Мы увѣрены, что борьба не будетъ разгораться бесплодно. Повторяемъ, оба направленія въ современной социологіи очень близки между собой: они зачастую сливаются. Вѣдь, оба они—дѣти однихъ и тѣхъ же родителей, реализма и положительной философіи! Изслѣдователи обоихъ отгѣнковъ идутъ однимъ, научнымъ путемъ: всѣ они признаютъ наблюденіе, гдѣ можно—опытъ, затѣмъ классификацію фактовъ, наведеніе и, гдѣ нужно, дедукцію; всѣ одинаково одушевлены эволюціонизмомъ. Чего же больше желать? Тутъ вся разница—въ большей или меньшей склонности въ ту или другую сторону матеріала и метода. И пусть чередуются два одинаково полезныхъ вліянія: безъ колебанія маятника часы стануть.

Наша надежда, предвѣщающая лучшее будущее юной наукѣ, не есть лишь плодъ нашего желанія. Она покоится на фактахъ, изъ которыхъ укажемъ только на самые яркіе.

Нелегкая задача—слѣдить за указанными направленіями, къ счастью, упрощается участіемъ французовъ. Эта нація, такъ долго не признававшая ни эволюціонизма, ни социологіи и прозѣвавшая своего О. Конта, теперь вовлеклась въ общій водоворотъ. А ея свойства извѣстны. Она схватилась за дѣло горячо, разомъ съ разныхъ концовъ—и тотчасъ внесла

въ него простоту, ясность. Здѣсь-то и начинается сосредоточиваться борьба: во всякомъ случаѣ, здѣсь удобно теперь слѣдить за нею. Во главѣ идеально-психологическаго направленія стоитъ уже заслуженный, — *éminent*, какъ называютъ его французы, — извѣстный и у насъ социологъ, *Тардъ*, который сумѣлъ сдѣлать много добра изъ вообще старой мысли своего отдаленнаго предшественника ¹⁾, талантливо примѣнивъ ее къ современнымъ условіямъ науки. Противъ него выступаетъ — тоже съ титуломъ *éminent* (признаніе академика Фулье) — молодое крупное дарованіе, бордоскій профессоръ социологіи, *Дюркгеймъ*. Такъ какъ оба противника выражаются съ французской ясностью и даже красотой, то за ними слѣдить легко и пріятно.

Тутъ-то любопытно видѣть, какъ два родственные другъ другу соратника расходятся иногда въ противныя стороны, причемъ оба приводятъ блестящіе и крайне поучительные доводы. И это нерѣдко въ самыхъ основныхъ вопросахъ. Такъ, даже въ классификаціи обществъ у нихъ выходитъ шиворотъ-навыворотъ, и, по нашему крайнему разумѣнію, не къ выгодѣ идеально-психологическаго направленія. По Тарду, сначала слѣдуетъ органическая ступень (варварство), а за нею механическая (цивилизациа); причемъ авторъ, отвергающій органическую теорію, удивляется, что первая изъ нихъ „страннымъ образомъ“ напоминаетъ біологическія черты. У Дюркгейма какъ разъ наоборотъ: сначала механизмъ, потомъ организмъ. У Тарда, который сходится тутъ съ манчестерской школой въ политической экономіи, раздѣленіе труда приписывается личнымъ, а у Дюркгейма (какъ и у марксистовъ) — общественнымъ причинамъ. За послѣднюю гипотезу говоритъ упомянутый нами въ началѣ законъ возврата къ первобытности въ обновленной формѣ: мы видимъ всюду, прележде всего, сборное начало, потомъ личное и, наконецъ, опять сборное въ новомъ развитіи. Это остроумно доказано въ лингвистикѣ теоріей Нуарэ о происхожденіи языка, которая освящена признаніемъ Макса Мюллера и покуда не замѣнена иною.

Къ Дюркгейму примыкаетъ нашъ авторъ, который, въ одномъ мѣстѣ (стр. 91), даже считаетъ нужнымъ довести до свѣдѣнія читателя, что его книга написана за годъ до появленія труда его сотоварища. Вормсъ же, кажется намъ, всего лучше обнаруживаетъ путь, на которомъ оба направленія въ социологіи скоро сольются, на благо человѣчества, не успѣвши, въ пылу спора, разойтись и погрязнуть въ крайностяхъ. Вормсъ — прямой, горячій и дѣльный защитникъ *органической* теоріи, которой и принадлежитъ ближайшее будущее.

Читатель изумится, какая тутъ имѣется въ виду новая теорія, когда споконъ вѣка, еще до появленія социологіи и біологіи, говорилось — „государственный, общественный и т. под. организмъ“? Не это ли твердили и гегельянцы въ Германіи, и эклектики во Франціи? И не учили ли насъ всегда, что даже вся исторія есть своего рода организмъ, а отсюда — единство развитія человѣческаго рода, прогрессъ и регрессъ, законъ подражанія или заимствованій, а также правило, что ни одно улучшение не пропадаетъ даромъ? Не внушали ли намъ даже, что вся солнечная система и вселенная — какой-то связанный организмъ? А что касается собственно общества, не ясенъ ли біологическій взглядъ на него уже у Фр. Бэкона и Паскаля? Не имъ ли проникнуты всѣ труды естествоиспытателей, брав-

¹⁾ *Jolly*: L'imitation dans ses rapports avec la philosophie, la morale et la médecine. 1846.

пихся за соціальные вопросы, начиная съ Молешотта и Дарвина? Даже не употребляли ли эти ученые, не теперь только, слова „государство“ для объясненія явленій природы?

Да и первыя, болѣе цѣльныя, построенія соціологіи, начиная съ Конта, Спенсера и Шефлэ, были воздвигнуты не на этой ли основѣ? А вотъ нашей наукѣ пришлось бороться за права органической теоріи, благодаря реакціи Возрожденію XIX вѣка. Тутъ виновато все то же недоразумѣніе. Всѣ, и свѣтлыя, и темныя силы, возставшія и противъ односторонности біологическаго объясненія міра, и противъ „безнравственности“ матеріализма, должны были, понятно, оспаривать и право естествознанія на внесеніе понятія „организмъ“ въ человѣческую среду. Они пользовались ошибками и преувеличеніями дарвинистовъ, которые иногда до смѣшного уподобляли общество организму, яща въ немъ чуть не ноздрей и волосъ и обыкновенно не допуская ничего, чего они не находили въ біологической особи. Есть и сейчасъ крупныя соціологи, которые чуть ли не считаютъ понятія *организмъ* оскверненіемъ соціологіи, какъ униженіе психологическаго метода: таковы Тардъ, Летурно, Гумпловичъ. Не мало и такихъ, которымъ какъ бы и хочется, и страшно: они принимаютъ организмъ лишь условно, съ оговорками, въ извѣстныхъ случаяхъ.

Но эта сомнительная поря въ исторіи органической теоріи, и вообще не важная, была мимолетна. Она уже почти миновала. Въ пастоящую минуту почти нѣтъ соціолога, который возставалъ бы противъ этой теоріи открыто и непосредственно. Одинъ горячій Тардъ твердо идетъ въ аррьергардъ, даже въ своемъ новомъ сочиненіи „La logique sociale“ (хотя и онъ, какъ мы видѣли, уже сдается на низшихъ ступеняхъ соціальной эволюціи); но громы его тяжелой артиллеріи уже слишкомъ далеки, чтобы вредить. Гумпловичъ больше удивляетъ свѣтъ, чѣмъ вліяетъ на него, застывъ на своей допотопной теоріи породъ, приличной австрійцу. Летурно самъ ведетъ свои изслѣдованія органическимъ путемъ и въ своей „Соціологіи“ прямо заявляетъ (стр. 219), что „всякое общество есть организмъ“. У нихъ крупныхъ старшихъ союзниковъ, у Мэна и Лавелэ, не осталось послѣдователей. А всѣ остальные соціологи или открыто исповѣдуютъ органическую теорію, или работаютъ въ увѣренности, что она сама собой разумѣется; изъ нихъ настойчиво развиваютъ ее такія силы, какъ Лиліенфельдъ, Фулье, Смоль и Греефъ, который далъ, въ своемъ новомъ трудѣ („Общественный прогрессъ и регрессъ“) интересную главу о возобновленіи общественныхъ органовъ. Новѣйшіе авторы всѣ идутъ за ними, уже какъ по проторенной дорожкѣ. Словомъ, теперь уже вездѣ, у соціологовъ всѣхъ оттѣнковъ, употребляются какъ бы безсознательно біологическіе термины— „органы, функціи, клѣтки, нервы, анатомія, фізіологія, даже патологія, гигиена“ и т. д.

Недоставало полнаго научнаго опредѣленія органической теоріи. Оно-то и явилось теперь, въ формѣ предлагаемой книги. Ея авторъ, *Вормсъ*, снабженъ желательною, многостороннею подготовкой: онъ имѣетъ ученые степени по разнымъ факультетамъ— естественному, словесному и юридическому и уже издалъ нѣсколько сочиненій по философіи, праву и соціологіи, изъ которыхъ „Нравственное ученіе Спинозы“ удостоено академической награды, а „Соціологія“ быстро разошлась. Теперь онъ сосредоточился на соціологіи: помимо выше упомянутой крайне ревностной дѣятельности на этомъ поприщѣ, онъ приступилъ къ изданію „Международ-

ной соціологической бібліотеки“, куда и вошелъ его „L'Organisme et la Société“, вышедшій въ нынѣшнемъ году.

Цѣль этого труда — именно уяснить самое понятіе соціологіи и ея методъ, въ особенности же ея отношенія къ біологіи. Здѣсь подробно, какъ еще никогда не случалось, разсмотрѣны и сведены понятія организма и общества. Особенно поучительны возраженія противникамъ органической теоріи (кн. I, гл. II), а также объясненіе метода соціологіи (стр. 236—239) и новая классификація обществъ (301—302). Въ объясненіяхъ, авторъ не скупится на примѣры изъ обѣихъ областей знанія и касается почти всѣхъ основныхъ вопросовъ соціальной науки и даже искусства, иногда, пожалуй, слишкомъ смѣло и поспѣшно. Вормсъ, подобно Летурно, весьма искренень, простъ и ясенъ, — симпатичныя свойства, которыя едва ли не служатъ вообще счастливымъ отличіемъ новѣйшаго поколѣнія соціологовъ.

Отчасти отдавая дань времени, какъ одинъ изъ представителей противодѣйствія реакціи Возрожденію XIX вѣка, а главное, въ силу своей задачи, Вормсъ *иногда* увлекается въ другую сторону, по примѣру Спенсера. Но это лишь временное забвеніе основного здраваго правила, съ первой страницы выставленнаго Вормсомъ: между обществомъ и организмомъ существуетъ *подобіе, но не тождество*. Нашъ авторъ даже не разъ упираетъ на то, что общество есть организмъ плюсъ нѣчто свое, одному ему свойственное. Онъ принимаетъ мѣткій, хотя и неуклюжій терминъ — *сверхъ-организмъ*, за который твердо стоитъ и Греефъ и который долженъ примирить соціологовъ всякихъ отгѣнковъ; Вормсъ даже предлагаетъ новое названіе того же смысла — „сверхъ-органическая имперія“ (стр. 45).

„L'Organisme et la Société“ Вормса выгодно характеризуетъ новѣйшую соціологію, какъ произведеніе живое. Здѣсь кабинетъ ученаго сливается съ бытомъ массъ, соціальная теорія — съ практикой. Чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно указать на то, что тутъ не блистаютъ своимъ отсутствіемъ такіе вопросы, какъ экономическій интересъ вообще и марксизмъ въ частности, свобода воли и детерминизмъ, соотношеніе между сознательнымъ и безсознательнымъ въ массахъ, война и миръ, централизація и децентрализація, правительственный и частный починъ, протекціонизмъ и конкуренція, пауперизмъ и благотворительность, даже всеобщее голосованіе, referendum и парламентскіе выборы. Если прибавить, что книга воскрешаетъ многіе дорогіе вопросы недавняго Возрожденія, начиная моногенизмомъ и полигенизмомъ, кончая семейной и общественной педагогіей, то можно признать за ней и воспитательное значеніе для поколѣнія нашихъ дней.

Въ предлагаемомъ сочиненіи, точно также какъ въ недавно изданныхъ переводахъ сочиненій Летурно и Греефа, наша юная наука даетъ намъ самые благородные и симпатичные завѣты, которые ручаются за ея богатое будущее. Это, прежде всего, преобладаніе общественности надъ личными интересами, а отсюда — человѣчность, терпимость, миролюбіе, вѣра въ прогрессъ, такъ какъ все это — несомнѣнное достояніе и требованіе строгой науки. А такія нравственныя, неисчерпаемыя силы открываютъ путь къ вѣчности, которую и не отрицаетъ современная соціологія. Въ лицѣ Вормса она напутствуетъ человѣчество ободряющими словами: „Судьба обществъ — въ ихъ собственныхъ рукахъ. Если они съумѣютъ постоянно совершенствовать свои учрежденія, то возможно, что они будутъ втеченіе неопредѣленнаго вре-

мени преодолевать встрѣчающіяся имъ затрудненія... Общества дѣйствуютъ не то чтобы такъ, какъ будто они были увѣрены въ безконечномъ существованіи, но такъ, что своимъ способомъ дѣйствій они могутъ заслужить его. Пусть каждый изъ насъ убѣдится въ томъ, что его дѣянія имѣютъ вліяніе на судьбу и жизнь общественной группы, къ которой онъ принадлежитъ. Если всѣ мы проникнемся этою истиной, если будемъ работать соотвѣтственно съ нею, то можно съ увѣренностью сказать, что силы общества и его надежды на долговѣчность возрастутъ замѣтно: возможно даже, что ему удастся избѣжать гибели. Постигая это безсмертіе, желая его, работая надъ нимъ, мы достигнемъ его“.

Въ высшемъ синтезѣ, наша юная наука даетъ нѣчто еще болѣе великое и достойное человѣка. Всюду ища общаго надъ частнымъ, единства надъ разнобразіемъ, закона надъ произволомъ, и связывая всѣ знанія, какъ ихъ послѣдній дружный выводъ, социологія ведетъ къ сознанію мірового единства. „Единство владычествуетъ—вѣрно говоритъ нашъ авторъ—тогда какъ множественность играетъ лишь подчиненную роль. Неправда, будто оно—чистая выдумка, будто это—созданіе ума, выливающего свою собственную форму въ предметы. Нѣтъ, единство коренится въ самой природѣ, въ безсмертномъ источникѣ, откуда выходятъ всѣ ея созданія“.

А. Трачевскій.

С.-Петербургъ, 18-го ноября 1896 г.